

Халлдору Лакснессу

У СЛОЖИВШЕГОСЯ писателя случается не так мало новых открытий в литературе. Но далеко не каждое открытие обогащает. Редкие из них становятся истинными приобретениями.

Я с молодости любил литературу северных народов. Это был для меня норвежец Кнут Гамсун. Немного позже — Бьернстерне Бьернсон. Потом швед Август Стриндберг. Из датчан Герман Банг. Это были увлечения длительные, страсть приверженная и романтическая.

Уже писателем я прочитал роман «Бродяги» Гамсуна и был поражен зрелой и обновленной силой необыкновенного таланта. Когда старик Гамсун пал, протянув руку гитлеровцам, надругавшимся над его родной поэтической землей, мне захотелось его позабыть. Я стал недоверчив к талантам.

Но открытия продолжались. Я помню появление в моем мире восторгов «нового» француза — Роже Мартен дю Гара. «Семья Тибо» меня изумила. И вдруг в моих руках очутилась маленькая повесть — «Старая Франция» — из тех книг, за которыми встает законченное явление и слышен голос, выступающий из хора целого века.

С тех пор минуло не меньше двух десятилетий, вдруг, как всегда, неожиданно, услышал я новую музыку в созвездиях европейского слова. Это был Халлдор

Конст. ФЕДИН

Лакснесс. Так, вероятно, в мировом океане не выступает из пучины новый остров.

Это был Лакснесс, то есть опять Север, опять моя юношеская, мечтательная, трудная и разрывающая душу любовь.

Лакснесс, с того момента как я узнал и стал перечитывать его роман «Самостоятельные люди», — этот строгий и нежный северянин поднялся над моими идолами и божками скандинавской прозы, как утес над глыбами камней.

Он превосходит (на мой сосредоточенный и пристрастный взгляд) своих предшественников, создавших славу северных романистов. Это, разумеется, не умаляет их, но только отличает его.

Созданные им характеры нерушимы в своих трагических, тяжелых изломах, они не рассыпаются на части, высеченные из скал или ледяных торосов. Если его крестьяне могут быть сопоставлены с известными в поэзии героями, то сопоставления надо искать в античных легендах или, может быть, в сагах его праотцев.

Что меня покорило в Лакснесе — это Исландия, о которой прежде я мог только гадать и догадываться, но которую сквозь его романы увидел живой — околь-

цованной молчаливыми льдами, то в пляске, то в недвижимости снегов с кипящими глубоко под ними гейзерами. Зримость суровой, немногословной страны достигнута не силою превосходных описаний, но тонким и точным чувством человека. И человек подобен стране: жар его крови вырывается наружу, как гейзер, и тогда суровость нрава уступает трогательной любви.

Все это реально и в то же время несравненно обобщеннее былых скандинавских людей-символов. Поэтому Лакснесс кажется очень близким нашей русской литературе.

Осчастливленный знанием Халлдора Лакснеса-романиста, я счастлив также теми встречами с ним, которые мне подарила судьба. Моя беседа с ним у меня в Москве незабвенна. Мы нашли с ним общим понятный язык — не только потому, что могли разговаривать без переводчика. Главное, запомнившееся из разговора с ним от сердца к сердцу, были его слова о том, что субъективизм слишком много повредил искусству литературы и он принадлежит отныне прошлому.

С радостью шлю я в этот большой праздник Халлдора Лакснеса свой низкий поклон великому писателю Исландии и от души благодарю его за то, что он обогатил мои чувства новым приобретением, с которым любовь моя к литературе поднимается дальше в гору.

МОСКВА
Апрель, 1962

Рис. О. Верейского